

УДК 342

DOI: 10.21685/2072-3016-2017-4-1

А. Д. Гуляков

ПРАВО НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В СЛОЖНОСОСТАВНОМ ГОСУДАРСТВЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КРЫМА, КАТАЛОНИИ И ШОТЛАНДИИ)

Аннотация.

Актуальность и цели. Проблема законности-незаконности самоопределения народов и этнических меньшинств в сложносоставном государстве – очень деликатная проблема. В то же время наш современный мир столкнулся с несколькими новыми случаями желания на самоопределение в Крыму, Каталонии, Шотландии... Как определить значение и последствия тех или иных событий, их легальность и желательность с различных углов зрения?

Материалы и методы. Автор предлагает некоторые критерии для оценки конкретных желаний на самоопределение. Наша гипотеза принимает во внимание исторические обстоятельства, социально-экономические условия, внешнеполитические факторы, баланс политических сил в стране, степень консолидации общественного мнения в регионе, правовую определенность ситуации.

Результаты. Мы проанализировали три попытки самоопределения. В случае с Крымом имело место совпадение многих благоприятных факторов для самоопределения и интеграции с Россией. Прежде всего высокая степень общественной поддержки сепаратизма от Украины на уровне 95–96 % стала гарантией успеха. В случае с Каталонией и Шотландией имело место гораздо большее число неблагоприятных факторов и достаточно ограниченная общественная поддержка. В частности, баланс политических сил и внешние факторы (негативная позиция Европейского союза) были неблагоприятными.

Выводы. Примеры Крыма, Каталонии, Шотландии следует рассматривать в контексте современного развития в условиях постмодернизации и глобализации. Ограниченное применение возможности для самоопределения только для колониальных народов уже в прошлом. Мировое общественное мнение должно быть более гибким в применении самоопределения и должно руководствоваться экспертизой юристов и политологов, а также здравым смыслом. Необходимо иметь в виду, что возможность для самоопределения обеспечивается не только международным правом, которое в реальной жизни часто игнорируется, но и наличием упомянутых выше факторов. Как правило, путь к самоопределению достаточно долгий и трудный, но каждое этническое меньшинство имеет шанс.

Ключевые слова: самоопределение; сепаратизм; факторы, влияющие на успех самоопределения; референдумы в Крыму, Каталонии и Шотландии; федерализм; мировая политика в условиях глобализации.

THE RIGHT TO SELF-DETERMINATION IN A COMPLEX STATE UNDER GLOBALIZATION (BY THE EXAMPLE OF CRIMEA, CATALONIA AND SCOTLAND)

Abstract.

Background. The problem of lawful and unlawful self-determination of peoples and ethnic minorities in a complex state is very delicate. Meanwhile our contemporary world confronts with a few new cases of the desire for self-determination. Crimea, Catalonia, Scotland... How to define the significance and consequences of these and other events, their legality and desirability from different angles?

Materials and methods. The author suggests that some criteria are necessary to put forward to estimate the concrete desire for self-determination. Our hypothesis states that it is necessary to take into account a historical background of self-determination, social and economic conditions, international factors, the balance of political forces in a country, the degree of consolidation of public opinion in a region, legal clarity of a situation.

Results. We have analyzed three attempts of self-determination. In the case of Crimea there was a concurrence of many favorable factors for self-determination and integration with Russia. First of all the high degree of public support for secession from Ukraine at the level of 95–96 % was the guarantee of success. In the cases of Catalonia and Scotland there were much more unfavorable factors and rather limited public support. In particular, the balance of political forces and external factors (the negative position of the European Union) were unfavorable.

Conclusions. The examples of Crimea, Catalonia and Scotland need to be reviewed in the context of contemporary development under post-modernization and globalization. Limited application of the possibility for self-determination only for colonial peoples is long gone. The world public opinion must be more flexible towards the application of self-determination guided by the expertise of legal and political researchers and common sense. It's necessary to keep in mind that the possibility for self-determination is provided not only by the international law which in reality is often ignored, but also by a group of the above mentioned factors. As a rule a path to self-determination is rather long and difficult, but every ethnic minority has a chance.

Key words: self-determination; separatism; factors influencing success of self-determination; referendum in Crimea; Catalonia and Scotland; federalism; world politics under globalization.

Сецессия – это государственное отделение части территории государства в связи с решением о самоопределении проживающего там населения... Действующим международным правом сецессия не предусмотрена.

С. Н. Бабурин [1, с. 397].

Косово, Крым, Донбасс, Шотландия, Каталония, Курдистан... Адреса территорий, которые претендовали или претендуют на выход из состава государства, будут множиться. Состояние политико-правовой турбулентности, которое характерно для современного постмодернизирующегося общества, только провоцирует попытку фрагментации государств, причем как унитарных, так и федеративных.

В основе фрагментации, как правило, лежат этнополитические конфликты, в которых «ресурсом политической мобилизации выступает этническая идентичность и ее значимые для участников конфликта проекции (этноконфессиональная, этнолингвистическая, этнотерриториальная, этнокультурная), маркирующие границы этнической общности» [2, с. 71]. Видные российские политологи дают классификацию этнополитических конфликтов, подразделяя их на политико-управленческие, политико-институциональные и политико-территориальные. Последняя разновидность конфликтов – наиболее опасная с точки зрения целостности государства. Авторы также констатируют факторы актуализации этнополитической конфликтности и указывают на степень их интенсивности [2, с.74–81].

Упомянутая нами политическая работа нацелена на анализ имевших место тлеющих и развивающихся конфликтов. Она имеет важное значение. Но с точки зрения государствоведения и права актуально не только диагностировать тот или иной конфликт, но и показать элитам и общественному мнению конкретной страны и мирового сообщества возможность и целесообразность нахождения в состоянии конфликта этносу реализовать свое право на самоопределение. В мировой и внутренней политике не все происходит в соответствии со здравым смыслом, но все же научным экспертам лучше предварительно выдвигать какие-то рациональные подходы для принятия и объяснения принимаемых стратегических решений.

Как найти деликатный баланс между сепаратизмом и законным правом на самоопределение в унитарных и сложносоставных (федеративных) государствах? По нашему мнению, критериев для определения ситуации должно быть несколько:

- исторические обстоятельства;
- социально-экономические условия;
- внешнеполитические факторы;
- внутриполитический баланс сил в стране;
- степень консолидации общественного мнения региона;
- правовая определенность ситуации.

Например, **давняя автономия той или иной области**, претендующей на более полную свою самостоятельность, усиливает обоснованность ее претензий. В этой связи, видимо, желание Шотландии, заключившей унию с Англией в 1707 г., более легитимно, чем возможное стремление Уэльса, присоединившегося к Англии в конце XIII в.

Социально-экономическая развитость региона, ведущего борьбу за свои права, создает для этого необходимую материальную базу, внушает уверенность сторонникам независимости и известное уважение к центральным властям, которые им противостоят. Американские колонисты, раздраженные введением относительно щадящих налогов Лондоном в 1760-е гг., были уверены в силе своей позиции, поскольку к тому времени североамериканские колонии достигли известной хозяйственной автономии от метрополии.

Внешнеполитические факторы порой оказывают решающее воздействие на исход борьбы за суверенитет. Ведущие державы (прежде всего соседние, но не только они) могут всячески тормозить объединение разрозненных земель в государство, препятствовать дезинтеграции государства или,

наоборот, поощрять ее. Вспомним, например, с каким трудом происходило объединение Италии и Германии: ему всячески препятствовали Франция, Великобритания, Австро-Венгрия, и только изменение международной обстановки в совокупности позволило завершить объединительный процесс.

Наконец, **внутриполитический баланс** сил и степень консолидации общественного мнения могут сказать самое веское слово в исходе дела. Например, на референдуме о выходе Каталонии из состава Испании проголосовали 42 % жителей, более 90 % которых сказали «да». Этого слишком мало, чтобы решить вопрос одномоментно. По нашему мнению, требуется не просто абсолютное большинство. **Даже квалифицированного большинства в две трети недостаточно.** Только в случае наличия хотя бы 80 % сторонников независимости общественное мнение по данному вопросу можно было бы считать консолидированным. Именно так произошло в 2014 г. в Крыму.

Конечно, правовая обоснованность предприятия, следование его букве закона может повлиять на легитимность, но недостаточность правовой определенности ситуации одно само по себе не в силах ему воспрепятствовать. И в то же время **принципиальные изменения в общественном развитии** нашей цивилизации за последние 50–70 лет дают ключ к пониманию разворачивающихся на наших глазах процессов.

Нельзя не заметить, что в эпоху модернизации, отличавшуюся повсеместным преобладанием унитарных государств, сепаратизм повсеместно осуждался, а федерализм оценивался невысоко в силу своей неустойчивости. Однако уже в XX в. на волне массового создания молодых государств (после Первой и Второй мировых войн) проблема самоопределения не стала восприниматься примитивно-однозначно как проявление сепаратизма.

Мир окончательно запутался на рубеже тысячелетий, когда буквально на глазах цивилизованной Европы произошел распад Югославии, во многом инспирированный извне, а затем от Сербии было отрезано Косово.

В. В. Путин в своей речи 19 октября 2017 г. на Валдайском форуме в Сочи совершенно справедливо указал, что к проблеме самоопределения нельзя подходить с двойными стандартами, руководствуясь только сиюминутной политической конъюнктурой. Как мы видим, требуется принимать во внимание весь комплекс факторов.

В то же время квантифицировать побуждающие обстоятельства, влияющие на успешность или неспешность выхода из состава государства, достаточно сложно. А. А. Токарев попытался выделить десять факторов сецессии, снабдив их (достаточно произвольно) численной оценкой в максимальном выражении для одних факторов от +3 до –3 и при минимальной оценке для других факторов от –1 до +1 при умеренном разбросе оценки от –2 до +2 в оставшихся случаях. Сразу скажем, нам такой подход показался неубедительным, равно как и предположение, что успех сецессий Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, «несмотря на наличие в этих квазигосударствах слоя пассионарных элит, нацеленных на получение выгод от сецессии, во многом обусловлен участием государства-патрона: ре-

дукция значения факторов его мощи, а также общности границы с ним, угрожает сецессии провалом» [3, с. 108]. Во-первых, следует иметь в виду, что обстановка меняется, а значит, может меняться и значение отдельных или даже всех факторов. Во-вторых, в каждом конкретном случае сецессии соотношение между факторами может быть различным, равно как оно может также меняться со временем. Так что прогнозы, конечно, делать можно, но их ценность, по нашему мнению, весьма относительна.

Теперь вернемся к предлагаемой нами схеме анализа (табл. 1). Весь комплекс факторов, благоприятствующих самоопределению, присутствует в ситуации с Крымом. **Исторические обстоятельства** всецело связывали его с Российской империей со второй половины XVIII в. **Социально-экономические последствия обретения им независимости** были бы неблагоприятными для него, но Крым приобрел ощутимые материальные выгоды от вхождения в состав соседнего, более экономически мощного государства – России. **Геостратегически** Крыму, находившемуся на периферии Украины, было проще выйти из нее. **Внутриполитический баланс** сил в момент разрыва связей на Украине был более чем благоприятный, поскольку центральная власть в Киеве оказалась резко ослаблена. **Консолидация общественно-го мнения** крымчан достигла сверхвысокого уровня: 96,77 % высказались на референдуме 16 марта 2014 г. за возвращение в Россию, при явке в 83,1 % (в г. Севастополь эти данные составили 95,60 и 89,5 %)¹.

Определенные трудности для реинтеграции Крыма создали **внешнеполитические факторы** из-за негативной позиции Запада. Генеральная Ассамблея ООН 27 марта 2014 г. приняла резолюцию в поддержку территориальной целостности Украины, за которую проголосовало 100 из 193 государств. Однако 11 государств высказались против, 58 – воздержались, 24 – не голосовали. При этом резолюция необязательна к исполнению, а сами внешнеполитические факторы по всей своей совокупности не имели решающего значения. Равным образом налицо и **правовая неопределенность ситуации**: была нарушена территориальная целостность Украины, но произошло это в момент незаконного государственного переворота в этой стране. Еще более значимыми являются обстоятельства того, как Крым оказался в 1954 г. в составе Украины (тогда Украинской ССР).

Передача Крыма из состава РСФСР в состав УССР в 1954 г. была незаконной (проведенной без участия высших органов власти двух республик и Союза ССР) и сопровождалась фальсификацией данных о состоянии сельского хозяйства в этом регионе в сторону их занижения, чтобы оправдать эту передачу [4, с. 94–106]. Как справедливо отмечает В. А. Карташкин, «основополагающие принципы и нормы международного права были нарушены при так называемой передаче территории Крыма Украине в 1954 г.». Ведь согласно ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров согласие государства на обязательность для него договора является недействительным, если оно было выражено с явным нарушением его внутреннего права» [5, с. 114]. Иными словами, решение о Крыме должен был принимать Верховный Совет СССР, а не Н. С. Хрущев.

¹ URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Референдум_о_статусе_Крыма_\(2014\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Референдум_о_статусе_Крыма_(2014))

Таблица 1
Комплексная оценка факторов, влияющих на самоопределение народов

Случаи состоявшихся и несостоявшихся претензий на самоопределение	Факторы, потенциально влияющие на реализацию претензий на самоопределение						
	Исторические обстоятельства	Социально- экономические условия	Геострате- гическое положение	Внешне- политические факторы	Внутри- полити- ческий баланс сил	Степень консолидации общественного мнения региона	Правовая определенность ситуации
Крым	В пользу независимости	Благо- приятные для присоединения к иному, более сильному государству	Благо- приятные	Умеренно благо- приятные	Благо- приятный	Сверхвысокая (свыше 90 % голосов на референдуме)	Противоречивая: нарушена территориальная целостность Украины, но произошло это на фоне незаконного государственного переворота
Каталония	В пользу независимости	Благо- приятные	Благо- приятные	Неблаго- приятные из-за позиции Евросоюза	Неблаго- приятный	Недостаточная (отсутствие даже абсолютного большинства)	Определенно неблагоприятная (ст. 155 Конституции Испании)
Шотландия	В пользу независимости	Частично благо- приятные	Благо- приятные	Частично благо- приятные из-за БРЕКЗИТА	Неблаго- приятный	Недостаточная (отсутствие абсолютного большинства)	Правовая неопределенность ситуации компенсируется гибкой позицией центрального правительства

На несколько ином фоне разворачивались осенью 2017 г. события в **Каталонии**. По мнению некоторых специалистов, Испания – это децентрализованное унитарное государство [6, с. 16]. Большую опасность для его единства представляет доминирующее у испанцев чувство «малой родины» в ущерб национальным и даже региональным привязанностям. Как утверждает философ Х. Мариас, «конкретный способ быть испанцем – это быть андалузцем, кастильцем, каталонцем, галисийцем, арагонцем, баском... Нелегко и почти нереально, а иногда и вовсе невозможно быть собственно испанцем» [7, с. 144].

Мудрое государственное управление могло бы сгладить социокультурные противоречия, но этого не происходит. «По закону автономии различаются объемом предоставленных правительством прав и полномочий, а уже на это юридическое неравноправие накладывается фактическая асимметрия, в частности межрегиональные экономические диспропорции, существование “богатых” и “бедных” регионов. Отсюда – распространенное в массовом сознании чувство соперничества, своей обделенности или, напротив, превосходства над соседом» [7, с. 22]. Даже в малом – реформировании Сената как органа представительства территорий – центральное правительство не может решиться на разумную реформу.

В настоящее время он играет явно недостаточную роль, по большей части представляя провинции, а не автономные сообщества. «В каждой из 50 провинций, независимо от размера и числа жителей, выбирается по 4 сенатора. Остальные назначаются парламентами автономных сообществ – как минимум один сенатор на регион и дополнительно один сенатор на каждый миллион жителей, выбирается по 4 сенатора. Эти сенаторы не столько обеспечивают представительство территории региона в национальном парламенте, сколько воспроизводят партийно-политическую структуру каждого автономного сообщества» [6, с. 10].

Каталония – наиболее экономически развитая часть Испании, имела значительный исторический опыт независимости. Входя во времена Карла Великого в состав его империи в качестве Испанской марки, она с 1137 г. в династическом союзе с королевством Арагон смогла сформировать мощную Средиземноморскую державу, а затем в конце XV в. вошла в состав единой Испании. Однако католические величества Фердинанд и Изабелла – объединители стран – «не только не создали по-настоящему единого королевства, но и не смогли даже ввести общую денежную единицу, не говоря уже об общей налоговой или правовой системе в своих королевствах» [8, с. 63]. При этом униженные, но свободолюбивые каталонцы в дальнейшем не оставили своих автономистских желаний, за что подверглись жестким репрессиям, особенно при генерале-диктаторе Франко. С падением франкистского режима начались неизбежные процессы демократизации.

Каталония уже в 1977 г. получила временную автономию. В дальнейшем Каталонская партия Конвергенция и Союз сумела добиться в 1996 г. от лидера Народной партии Х.-М. Аснара расширения полномочий в пользу своей территории. На рубеже XX–XXI вв. возросло влияние Левой республиканской партии Каталонии («Эскерра»), выдвигавшей в качестве конечной

цели обретение независимости. Коалиционные правительства, возглавлявшиеся в 2003–2006 гг. представителями регионального филиала Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) в союзе с партией «Эскерра», местными коммунистами и «зелеными», сумели подвести ситуацию к принятию нового Автономного статута 2006 г. В его пользу на референдуме 18 июня 2006 г. высказались 73,9 % граждан (уровень участия в голосовании составил 49,9 % зарегистрированных избирателей) [9, с. 34, 35].

Важной вехой для оживления публичных дебатов стало принятие 23 января 2013 г. Парламентом Каталонии **Декларации о суверенитете** и назначении референдума о создании независимого государства на **9 ноября 2014 г.** Власти Испании (в том числе нижняя палата парламента и Конституционный Суд) всячески противились референдуму, так что лидером каталонских националистов пришлось заменить его юридически ничтожным опросом вне стен органов местной власти, без официальных списков участников, когда бюллетень мог распечатать любой желающий. В итоге в опросе приняли участие 2,3 млн (примерно треть от каталонцев с правом голоса), из которых 81 % (1,8 млн) высказались за независимость [10, с. 74].

Однако идея референдума на этом не умерла. 9 июня 2017 г. правительство Каталонии назначило референдум о независимости **на 1 октября 2017 г.** В преддверии его 6 сентября каталонский парламент одобрил специальный Закон о референдуме и о самоопределении Каталонии, а 8 сентября он же утвердил юридический порядок выхода региона из состава страны. В свою очередь власти Испании в лице короля, премьер-министра, генерального прокурора, министра обороны, Конституционного Суда попытались оказать жесткое давление на каталонских лидеров. 20 сентября 14 чиновников Каталонии разного уровня были арестованы (позже все отпущены). Мадрид взял на себя контроль над финансами Каталонии. Он же предупредил всех 948 мэров подумать о последствиях незаконных, с его точки зрения, действий. В итоге избирательные участки решили открыть у себя лишь 75 % муниципальных округов региона. Накануне референдума в Каталонию было отправлено три парома сил безопасности из других частей Испании. Конфисковано почти 10 млн отпечатанных бюллетеней.

Референдум, несмотря на жесткое противодействие и вызывающе грубые действия полиции в день голосования (пострадало более 1000 человек), состоялся. За выход Каталонии из состава Испании проголосовали 2044 тыс. человек, или 90 % голосовавших. Явка составила 43 %, и фактически она была выше даже без учета более 700 тыс. заполненных бюллетеней, которые испанской полиции удалось изъять¹. В последующие дни Мадриду удалось настоять на роспуске парламента и правительства Каталонии, назначив новые региональные выборы на 21 декабря 2017 г. Пожар удалось потушить, но надолго ли?

Анализируя события октября 2017 г., не следует забывать о глубоких исторических корнях сепаратистских настроений. Каталонцы не только затали на центр давнюю обиду, но и имеют серьезные экономические претензии к нему. «Они подсчитали, что регион вносит до 20 % ВВП страны, а раз-

¹ URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Референдум_о_независимости_Каталонии_\(2017\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Референдум_о_независимости_Каталонии_(2017))

ница между тем, что он отдает в общую казну, и 16 млн евро в год, что получает в виде субсидий и различных выплат, эквивалентно 8 % регионального внутреннего продукта» [11, с. 63, 64].

Геостратегически, занимая пограничное положение, Каталония может безболезненно выйти из состава Испании, к тому же у нее есть необходимый социально-экономический потенциал для самостоятельного развития.

Однако, несомненно, неблагоприятными являются внешнеполитические факторы. Поскольку Каталония претендует на членство в Евросоюзе, для нее крайне важна поддержка этой межгосударственной структуры, которой у нее нет. Внутривнутриполитический баланс сил в Испании также неблагоприятный, а степень консолидации общественного мнения в самой Каталонии недостаточный. Осложняет ситуацию острая межпартийная борьба. Определенно неблагоприятной является и правовая ситуация, поскольку ст. 155 Конституции содержит прямое указание на борьбу с сепаратизмом, и государство имеет немалый опыт в этом отношении. Словом, требуется время и терпение сторон, чтобы ситуация разрешилась в ту или иную сторону.

Шотландия, как и Каталония, оказалась интегрированной в состав унитарного государства несколько веков назад. Однако она сохранила немало внешних признаков своей автономии: собственную, пресвитерианскую церковь, обособленную правовую систему, систему местного управления, денежную систему и национальную прессу. «Служба и государственный секретарь по делам Шотландии исполняли широкие обязанности в области здравоохранения, полицейских и судебных дел, тюрем и регионального развития. Судебная автономия требовала отдельного законодательства, относящегося исключительно к Шотландии, которое постоянный Большой шотландский комитет проводил через парламент. Дополнительно в 1979 г. как часть широкой административной реформы в Великобритании был создан Комитет по отдельным шотландским делам» [12, с. 18].

До 1970-х гг. националистические настроения не имели какой-либо серьезной поддержки в Шотландии. Однако после обнаружения богатых запасов нефти и газа на морском шельфе автономистские настроения получили экономическую мотивацию. В ответ на это в 1978–1979 гг. руководство лейбористской партии предложило учредить ассамблею для региона без финансовых полномочий. Однако на проведенном референдуме до требуемых законом 40 % зарегистрированных избирателей не хватило 7,5 % голосов из-за низкой явки избирателей. Вновь к идее автономизации вернулись в 1990-е гг., когда вопреки сопротивлению консервативной партии пришедшие к власти лейбористы провели **конституционную реформу**. На состоявшемся в сентябре 1997 г. референдуме за создание регионального парламента высказались 74,3 % участников плебисцита, что составило 44,87 % от общего количества шотландских избирателей. «Новый орган был уполномочен принимать местные законы, не противоречащие британскому законодательству, и устанавливать налоги. В его функции входил также контроль развития сельского хозяйства, образования, здравоохранения, культуры и обязанности по охране природы» [13, с. 364, 365].

Произошедшие перемены в Шотландии, а также в Уэльсе и Северной Шотландии, где были созданы (в Уэльсе) или воссозданы (в Северной Ир-

ландии) представительные органы, «нарушили унитарность Великобритании. Стали говорить о “Соединенном Королевстве Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии”, а не о “Великобритании и Северной Ирландии”, как и до сих пор» [14, с. 49]. Однако кардинального территориально-государственного переустройства все же не произошло, поскольку новые региональные органы «не располагают достаточной легитимностью для принятия решения о независимости своих регионов». С другой стороны, по опросам общественного мнения, проведенным в 1999 г., «около половины респондентов усматривали в создании парламента Шотландии, ассамблей Уэльса и Северной Ирландии начало конца Соединенного Королевства» [15, с. 166].

В Шотландии в связи с появлением своего представительного органа наблюдается усиление позиций Шотландской национальной партии (ШНП). На выборах 1999 г. она заняла второе после лейбористов место (27 % голосов). В 2007 г. она опередила своих основных конкурентов – лейбористов (32,9 % голосов). Наконец, в 2011 г. ШНП добилась абсолютного большинства (53,5 % голосов избирателей) и сформировала однопартийное правительство [16, с. 60, 61]. Это правительство А. Сэлмонда заявило о намерении организовать в течение пяти лет референдум по вопросу о независимости. В октябре 2012 г. им и премьер-министром Великобритании Д. Кэмероном было подписано соглашение о проведении 18 сентября 2014 г. опроса шотландцев, т.е. правительство страны, уверенное в своих силах, в отличие от правительства Испании, не стало чинить препятствий в осуществлении демократической процедуры.

Правительство Д. Камерона предприняло активные пропагандистские усилия, чтобы завоевать симпатии шотландцев. В ходе своего визита в Шотландию в мае 2014 г. премьер-министр обещал расширить права парламента в Эдинбурге в случае, если шотландцы выскажутся против независимости. 10 сентября 2014 г. в Шотландию вновь прибыл не только премьер-министр, но и лидеры других ведущих партий – лейбористов и либерал-демократов, которые, выступая по отдельности, выпустили совместное заявление о необходимости сохранения единства страны. На жителей региона попытались оказать давление и из-за рубежа: тезис о территориальной целостности поддерживали президент США Б. Обама, премьер-министр Австралии Т. Эббот, премьер-министр Испании М. Рахой.

В свою очередь сторонники независимости также хорошо подготовились к референдуму. Еще в ноябре 2013 г. первый министр автономного правительства и лидер ШНП А. Сэлмонд выпустил «Белую книгу», в которой на 670 страницах описывалось устройство будущего независимого государства. В независимой Шотландии предлагалось в качестве денежной единицы оставить фунт стерлингов, а главой государства сохранить британскую королеву. Предусматривалось создание собственных вооруженных сил, вывоз с территории Шотландии ядерного оружия. Подготовку голосования обеспечивало движение «Да, Шотландия», которое поддержало местные политические партии – ШНП, Шотландская социалистическая партия и шотландская партия «зеленых».

Предварительные опросы населения в 2014 г. предрекали победу противникам независимости. Однако с приближением дня голосования соотношение сил становилось неустойчивым. 5–6 сентября 2014 г. впервые более

половины опрошенных высказались за независимость. Тем не менее окончательные итоги 18 сентября свидетельствовали об относительно уверенной победе приверженцев единого государства – 55,3 % против 44,7 % при высокой явке избирателей в 84,5 %. В целом голосование проходило спокойно, без происшествий, при очередях на участки в столице Шотландии – Глазго¹.

Опыт Шотландии, которая прошла через референдум в подчеркнуто мирной форме, показывает всю длительность и сложность процесса «официального развода» в сложносоставном государстве. С исторической точки зрения Шотландия, возможно, имеет не меньше причин, чем Каталония, претендовать на независимость. Войны англичан и шотландцев периодически вспыхивали со второй половины XII в., и они завершились в 1323 г. признанием независимости Шотландии, которую она сохраняла в течение четырех веков. В середине XVI в. здесь, в отличие от Англии, утвердилось не сильно похожая на католицизм по пышности своего культа англиканство, а более демократически организованная пресвитерианская церковь. Хотя в 1603 г. шотландский король занял английский престол, официальная уния Англии и Шотландии была заключена только в 1707 г. на достаточно почетных для Шотландии условиях.

Шотландия долгое время была экономически малоразвитым сельским регионом, но месторождения на шельфе вдохнули в нее новую жизнь. Более того, возможно, именно они стимулировали мечты о независимости.

Геостратегически Шотландия удачно расположена, будучи северной, периферийной частью Великобритании, не вгрызающейся в основной массив земель. В то же время шотландцев не очень устраивает теллурократическая, экстенсивная внешняя политика Великобритании по наращиванию ресурсной базы, активное участие ее в ряде операций НАТО, либерального допуска на территорию иммигрантов. Для Шотландии «стратегической геополитической целью выступает достижение суверенитета и нейтралитета, что становится возможным, благодаря небольшой численности населения, удаленности государства от европейского Хартленда и наличия ресурсов для построения социально ориентированного государства» [17, с. 147].

С выходом Великобритании из состава Евросоюза внешнеполитическая конъюнктура качнулась в пользу шотландцев, поскольку последние в основном желают остаться в объединенной Европе, а Европа хотела бы в той или иной форме «наказать» Великобританию. Другой вопрос: хватит ли этого «потенциала возмездия», чтобы осуществить отделение «страны горцев»?

В то же время внутривнутриполитический баланс сил пока складывается не в пользу отделения Шотландии. В отличие от каталонцев, у шотландцев нет чувства исторической досады на центральную власть и на англичан. Они не готовы к шумным публичным акциям публичного протеста. Разумнее ведет себя и центральная власть. В ключевом счете степень консолидации общественного мнения в Шотландии недостаточная.

Примеры борьбы Крыма, Каталонии и Шотландии за свою независимость весьма показательны. Причем их следует рассматривать с точки зрения современного общественного развития. Постмодернизация и глобализация,

¹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Референдум_о_независимости_Шотландии

разумеется, разрушили привычную конструкцию государственно-правовой сферы общества [18, с. 239–330]. Налицо проблемы кризиса суверенитета национального государства, ведущим звеном которого выступают транснациональные корпорации (ТНК). «Относительно свободное перемещение капиталов за пределы страны, невозможность получить сполна выигрыши от экономического развития в виде налогов, зависимость от международного финансового рынка и другие факторы ставят национальное государство в сложное положение: требования к нему растут, а условия для проведения собственной политики сокращаются». Другой неблагоприятный фактор для государства был связан с универсализацией прав человека. «Его суверенитет стал признаваться в той мере, в которой он легитимировался правами человека. ...Космополитическая тенденция связывать индивида и его прав с человечеством, а не нацией или государством становится все более значимой» [18, с. 330]. Наконец, часть влияния у государства забирает так называемое «транснациональное гражданское общество». «Рост международных частных добровольных организаций, профессиональных сообществ, экономистов, профсоюзов, церковных организаций и других организаций рассматривается важным фактором, отражающим глобализацию “снизу”... возрастает влияние на национальную политику и индивидуальных акторов, действующих в рамках университетов, международных организаций и объединений» [18, с. 331, 332].

В международных отношениях наблюдается перестройка всей системы. Мир явно уходит от однополярности, становясь более фрагментированным, имеющим «калейдоскопическую» иерархию. Это «может быть источником напряжения, создавая потенциал неустойчивости как на глобальном уровне, так и в отдельных региональных сегментах мировой системы. Но это же обстоятельство придает системе дополнительную гибкость, позволяет легче адаптироваться к новым проблемным ситуациям» [19, с. 78]. Международное право в подобной системе координат теряет свою жесткость, формальную определенность. Это началось в 1990-е гг. и закрепилось в новом тысячелетии. Разумеется, сложносоставным государствам необходимо сохранить стабильность территории. Поэтому, видимо, необходимо искать некий баланс между территориальной целостностью и правом наций на самоопределение. Как известно, принцип самоопределения в качестве всеобщего был впервые установлен в Уставе ООН как цель, а 14 декабря 1960 г. Генеральная Ассамблея приняла Декларацию о предоставлении независимости и колониальным народам. Иными словами, «современное международное право признает право на самоопределение только за народами и нациями, хотя до сих пор нет общепринятого определения этих понятий. Что же касается этнических, религиозных и языковых меньшинств, то, как подчеркивается в ст. 27 Пакта о гражданских и политических правах, «им не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, использовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком» [5, с. 110, 111].

Между тем многие авторы предлагают ослабить жесткость подобного подхода [20; 21, с. 100], и, надо сказать, основанием для этого служат изменения в мировом порядке, изложенные нами выше.

В современном мире две параллельные и одновременно противоположные тенденции к глобализации и локализации согласуют процессы

регионализации, «означая одновременно как усиление региональных соглашений и союзов в рамках межрегионального и межгосударственного сотрудничества» [22, р. 182, 183]. При этом, видимо, процессы демократизации способствуют снижению жалоб этнических и прочих меньшинств на несправедливость со стороны центральных властей, а эрозия государственного суверенитета в условиях глобализации делает менее привлекательной идею отдельного, самостоятельного государства в глазах этих меньшинств. В то же время существующие государства менее активно сопротивляются сецессии, ввиду снижения значимости суверенитета [23, с. 21].

Тем не менее стремление к самоопределению у отдельных народов все же сохраняется, и отдельным сложносоставным государствам необходимо искать ответы на эти вызовы. Однозначно, что эти ответы не должны быть чисто запретительными и репрессивными. В каждом конкретном случае юридическому и политическому сообществам требуется сформировать некие критерии, позволяющие осуществить самоопределение или откладываящие его на определенный или неопределенный срок. Эти критериальные оценки следует довести до политиков и населения и, возможно, обсудить их публично, что позволит выработать некий общественный консенсус. Хочется надеяться, что подобная процедура позволяет избежать риска гражданских войн и других неадекватных массовых действий, а также дополнительно легитимизирует факт сецессии в глазах мирового общественного мнения. Все это крайне важно в условиях растущей общепланетарной нестабильности и кризиса в международных отношениях.

Библиографический список

1. **Бабурин, С. Н.** Мир империй: Территория государства и мировой порядок / С. Н. Бабурин. – СПб., 2005. – 770 с.
2. **Семененко, И. С.** Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» / И. С. Семененко, В. В. Лапкин, В. И. Пантин // ПОЛИС. – 2016. – № 6. – С. 69–94.
3. **Токарев, А. А.** Сравнительный анализ сецессий на посткоммунистическом пространстве: квантификация факторов влияния / А. А. Токарев // ПОЛИС. – 2017. – № 4. – С. 106–117.
4. **Гойденко, В.** Международное право против политического волюнтаризма в истории передачи Крыма УССР / В. Гойденко // Постсоветский материк. – М., 2017. – № 1 (13). – С. 94–106.
5. **Карташкин, В. А.** Судьба Крыма и международное право / В. А. Карташкин // Обозреватель – Observer. Научно-политический журнал. – 2015. – Октябрь. – С. 109–116.
6. **Хенкин, С. М.** Государство автономий и федерации: сходства и различия / С. М. Хенкин // Регионы и центр: как строить отношения? Испанский вариант: материалы научной конференции (Институт Европы РАН, 23 апреля 2008 г.). Доклады Института Европы. – М., 2008. – № 216. – С. 9–18.
7. Испания. Анфас и профиль / под ред. В. Л. Верникова. – М. : Весь мир, 2007. – 480 с. – (Старый свет – новые времена).
8. **Андерсон, П.** Родословная абсолютистского государства / П. Андерсон. – М., 2010. – 512 с.
9. **Кирсанова, Н. В.** Каталонская автономия: история и перспективы развития / Н. В. Кирсанова // Регионы и центр: как строить отношения? Испанский вариант: материалы научной конференции (Институт Европы РАН, 23 апреля 2008 г.). Доклады Института Европы. – М., 2008. – № 216.

10. **Орлов, А.** Проблемы сепарации на современном этапе. На примере Шотландии и Каталонии / А. Орлов // Обозреватель – Observer. Научно-политический журнал. – 2015. – Январь. – С. 67–80.
11. **Верников, В. Л.** Каталония в поисках независимости / В. Л. Верников // Современная Европа. – 2015. – № 2. – С. 61–71.
12. **Коданева, С. И.** Британский регионализм (конституционная реформа) / С. И. Коданева. – М., 2004. – 140 с.
13. **Остапенко, Г. С.** Новейшая история Великобритании. XX – начало XXI века / Г. С. Остапенко, А. Ю. Прокопов. – М., 2012. – 472 с.
14. Великобритания. Эпоха реформ / под ред. Ал. А. Громыко. – М., 2007.
15. **Громыко, Ал. А.** Модернизация партийной системы Великобритании / Ал. А. Громыко. – М., 2007. – 344 с.
16. Дилеммы Британии. Поиск путей развития / под ред. Ал. А. Громыко, Е. В. Ананьевой. – М., 2014. – 480 с.
17. **Васильев, В. А.** Движение за независимость Шотландии. Ретроспективный анализ и современное состояние / В. А. Васильев // Свободная мысль. – 2014. – № 5. – С. 135–148.
18. **Сморгунов, Л. В.** В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке / Л. В. Сморгун. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2012. – 362 с.
19. **Барановский, В. Г.** Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений / В. Г. Барановский // ПОЛИС. – 2017. – № 3. – С. 72–92.
20. **Задохин, А. Г.** Самоопределение народов и территориальная целостность государств: категории, проблемы, перспективы / В. Г. Барановский // Обозреватель – Observer. Научно-политический журнал. – 2011. – № 5. – С. 13–24.
21. **Тимофеев, Е. В.** Новые аспекты права наций на самоопределение / Е. В. Тимофеев // Московский журнал международного права. – 1993. – № 4. – С. 100–113.
22. **Wellman, C. H.** Theory of Secession. The Case for Political Self-Determination / C. H. Wellman. – Cambridge, 2005.
23. **Еремина, Н. В.** Национально-политический разлом. От регионализма к сепаратизму в странах ЕС (на примере Шотландии и Уэльса) / Н. В. Еремина // Свободная мысль. – 2010. – № 12. – С. 21–34.

References

1. Baburin S. N. *Mir imperiy: Territoriya gosudarstva i mirovoy poriyadok* [World of empires: territory of the state and world order]. Saint-Petersburg, 2005, 770 p.
2. Semenenko I. S., Lapkin V. V., Pantin V. I. *POLIS*. 2016, no. 6, pp. 69–94.
3. Tokarev A. A. *POLIS*. 2017, no. 4, pp. 106–117.
4. Goydenko V. *Postsovetkiy materik* [Post-Soviet continent]. Moscow, 2017, no. 1 (13), pp. 94–106.
5. Kartashkin V. A. *Obozrevatel' – Observer. Nauchno-politicheskiy zhurnal* [Observer. Science-policy journal]. 2015, October, pp. 109–116.
6. Khenkin S. M. *Regiony i tsentr: kak stroit' otnosheniya? Ispanskiy variant: materialy nauchnoy konferentsii (Institut Evropy RAN, 23 aprelya 2008 g.). Doklady Instituta Evropy* [Regions and center: how to build relationships? Spanish variant: materials of scientific conference (The Institute of Europe of RAS, 23rd of April, 2008). Reports of the Institute of Europe]. Moscow, 2008, no. 216, pp. 9–18.
7. *Ispaniya. Anfas i profil'* [Spain. Views from all perspectives]. Ed. by V. L. Vernikov. Moscow: Ves' mir, 2007, 480 p.
8. Anderson P. *Rodoslovnaya absolyutistskogo gosudarstva* [Lineage of the absolutist state]. Moscow, 2010, 512 p.
9. Kirsanova N. V. *Regiony i tsentr: kak stroit' otnosheniya? Ispanskiy variant: materialy nauchnoy konferentsii (Institut Evropy RAN, 23 aprelya 2008 g.). Doklady Instituta*

- Evropy* [Regions and center: how to build relationships? Spanish variant: materials of scientific conference (The Institute of Europe of RAS, 23rd of April, 2008). Reports of the Institute of Europe]. Moscow, 2008, no. 216.
10. Orlov A. *Obozrevatel' – Observer. Nauchno-politicheskiy zhurnal* [Observer. Science-policy journal]. 2015, January, pp. 67–80.
 11. Vernikov V. L. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe]. 2015, no. 2, pp. 61–71.
 12. Kodaneva S. I. *Britanskiy regionalizm (konstitutsionnaya reforma)* [British regionalism (constitutional reform)]. Moscow, 2004, 140 p.
 13. Ostapenko G. S., Prokopov A. Yu. *Noveyshaya istoriya Velikobritanii. XX – nachalo XXI veka* [The recent history of Great Britain, XX – early XXI centuries]. Moscow, 2012, 472 p.
 14. *Velikobritaniya. Epokha reform* [Great Britain. The era of reforms]. Ed. by Al. A. Gromyko. Moscow, 2007.
 15. Gromyko Al. A. *Modernizatsiya partiynoy sistemy Velikobritanii* [Modernization of the party system of Great Britain]. Moscow, 2007, 344 p.
 16. *Dilemmy Britanii. Poisk putey razvitiya* [The dilemmas of Great Britain. The search of development path]. Eds. Al. A. Gromyko, E. V. Anan'eva. Moscow, 2014, 480 p.
 17. Vasil'ev V. A. *Svobodnaya mysl'* [Free thought]. 2014, no. 5, pp. 135–148.
 18. Smorgunov L. V. *V poiskakh upravlyaemosti: kontseptsii i transformatsii gosudarstvennogo upravleniya v XXI veke* [In search of controllability: conception and transformation of public administration in XX century]. Saint-Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2012, 362 p.
 19. Baranovskiy V. G. *POLIS*. 2017, no. 3, pp. 72–92.
 20. Zadokhin A. G. *Obozrevatel' – Observer. Nauchno-politicheskiy zhurnal* [Observer. Science-policy journal]. 2011, no. 5, pp. 13–24.
 21. Timofeev E. V. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow journal of international law]. 1993, no. 4, pp. 100–113.
 22. Wellman C. H. *Theory of Secession. The Case for Political Self-Determination*. Cambridge, 2005.
 23. Eremina N. V. *Svobodnaya mysl'* [Free thought]. 2010, no. 12, pp. 21–34.

Гуляков Александр Дмитриевич

кандидат юридических наук, доцент,
ректор Пензенского государственного
университета (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: valeriya_zinovev@mail.ru

Gulyakov Aleksandr Dmitrievich

Candidate of juridical sciences, associate
professor, rector of Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 342

Гуляков, А. Д.

Право на самоопределение в сложносоставном государстве в условиях глобализации (на примере Крыма, Каталонии и Шотландии) / А. Д. Гуляков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 5–19. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-4-1